

Dzieje biurokracji tom IV

Петр Владимирович Акульшин
(Рязанский Государственный Медицинский Университет)

Генерал-губернатор А.Д. Балашов: реформаторские планы Александра I и центральные губернии России

В первой четверти XIX в. правительственные круги Российской империи в лице самого императора Александра I и ряда его приближенных разрабатывали реформаторские планы, целью которых являлись конституционные преобразования и решение крестьянского вопроса. Попытки их реализации были связаны и с изменениями в местном управлении.

Одним из таких изменений стало создание в 1819 г. генерал-губернаторского округа из пяти великорусских губерний с центром в г. Рязани, который просуществовал до 1828 г. Появление генерал-губернаторского округа в центральных районах было явлением неординарным для системы местного управления Российской империи девятнадцатого столетия и требующим объяснение.

Разрабатывая планы реформирования России, власть в лице императора и его приближенных после окончания наполеоновских войн обратилась к мысли о преобразовании местного управления. Первый опыт в этом направлении относится к маю 1809 г., когда было создано генерал-губернаторство, охватывающее Новгородскую, Тверскую и Ярославскую губернии. Его главой стал принц Г.П. Ольденбургский, муж великой княгини Екатерины Павловны, сестры императора¹. К концу царствования Александра I 37 губерний состояли в ведении военных губернаторов и генерал-губернаторов и только в 14 губерниях власть осуществляли гражданские губернаторы².

Можно предположить, что выбор императора в пользу создания крупных административно-территориальных единиц, объединяющих несколько губерний, был тесно связан с «правительственным конституционализмом». К 1820 г. в

¹ Полное собрание законов Российской империи, собрание первое, Sankt Petersburg 1830 [dalej: ПСЗ-I], № 23.592. После смерти принца Г.П. Ольденбургского в декабре 1812 г. это генерал-губернаторство было ликвидировано.

² Г.В. Вернадский, *Государственная Уставная грамота Российской империи 1820 г. Историко-юридический очерк*, Прага 1925, s. 44.

Варшаве в канцелярии императорского комиссара при Административном совете Королевства Польского Н.Н. Новосильцева, бывшего члена Негласного комитета, был подготовлен проект «Государственной уставной грамоты Российской империи». Его характерной чертой было деление всего государства на наместничества, охватывающих несколько губерний, в которых создавались представительные органы - сеймы. В случае реализации этого проекта конституционное устройство Финляндии (1809 г.) и Польше (1814 г.) становились не аномалией в государственном устройстве самодержавного государства, а одним из шагов в осуществлении реформаторских планов Александра I. Первым значительным шагом в подготовке к будущим преобразованиям великорусских губерний и было создание в 1819-1828 гг. генерал-губернаторского округа с центром в г. Рязани во главе с генерал-адъютантом А.Д. Балашовым³.

Отечественные авторы, затрагивающие деятельность этого сановника в качестве генерал-губернатора, сходились во мнении, что «опыт был ничтожен и по способам его реализации, и по результатам»; «деятельность его во многом была бесплодной»; «вместо принципиальной реформы местной администрации Балашев получил вялое указание экспериментировать в рамках губернии»⁴. Вполне справедливо мнение о том, что все, что успел сделать А.Д. Балашов «кажется мелким и бледным по сравнению с преобразовательными планами Сперанского»⁵. Но без таких практических шагов самые грандиозные замыслы правительственных реформаторов остались бы утопическими прожектками.

А.Д. Балашов, которому был доверен пост генерал-губернатора в центре России, занимал видное положение в правительственных кругах, но ему, как и большинству сановников эпохи Александра I, мало повезло в исторической ли-

³ О «Государственной уставной грамоте Российской империи» см.: Г.В. Вернадский, *dz. cyt.*; А.В. Предтеченский, *Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX в.*, Moskwa - Leningrad 1957, s. 382-393; А.И. Парусов, *Государственная уставная грамота 1820 г.*, „Учен. записки Горьковского гос. университета“ 1964, wyd. 72, t. 2; Е.А. Скрипелев, *Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г.*, „Советское государство и право“ 1980, № 7; Н.В. Минаева, *Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в.*, Saratow 1982, s. 157-207; С.В. Мироненко, *Самодержавие и реформы*, Moskwa 1989, s. 161-205; К.С.Чернов, *Забывтая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской Империи»*, Moskwa 2007. Первым на связь деятельности А.Д. Балашова как генерал-губернатора с конституционными планами Александра I обратил внимание Г.В. Вернадский: «Все [...] трудности и предполагалось устранить осуществлением плана наместничеств, комбинированных с дарованием России конституционных начал». «[...] Если сам опыт Балашова был поставлен для пробы частичного введения в жизнь Уставной грамоты, то этот опыт в свою очередь повлиял на дальнейшее изменение грамоты и подготовку ее третьей редакции» (см.: Г.В. Вернадский, *dz. cyt.*, s. 34, 51). Наличие этой взаимосвязи доказывал С.В. Мироненко (С.В. Мироненко, *dz. cyt.*, s. 11-12, 178-180, 200-202). А.В. Предтеченский высказывал мнение, что «утверждение Вернадского основано на чистых домыслах» (А.В. Предтеченский, *dz. cyt.*, s. 394). Эти слова, скорее всего, не отражали точку зрения самого автора, а были способом обойти ограничения на упоминания в советских изданиях имени историка-эмигранта.

⁴ А.В. Предтеченский, *dz. cyt.*, s. 406; А.И. Парусов, *К истории местного управления в России в первой четверти XIX в.*, „Ученые записки Горьковского университета“ 1964, wyd. 72, t. 1, s. 57; С.В. Мироненко, *dz. cyt.*, s. 202. В дореволюционной литературе встречались отдельные упоминания о деятельности А.Д. Балашова в качестве генерал-губернатора. Например, см.: Н.Ф. Дубровин, *После Отечественной войны (Из русской жизни начала 19 в.)*, „Русская старина“ 1903, № 12, s. 494-496, 506-508.

⁵ А.В. Предтеченский, *dz. cyt.*, s. 406.

тературе. Служебные записки, написанные им в качестве генерал-губернатора, и его мемуары позволяют оценить неординарную фигуру их автора, одного из высших полицейских чинов Российской империи и, вместе с тем, представителя реформаторского направления в правительственных кругах. Они же представляют несомненный интерес для изучения механизма принятия и реализации решений в эпоху Александра I⁶.

Александр Дмитриевич Балашов родился в 1770 г. в дворянской семье. Первым известным представителем этого рода был Мамон Андреевич Балашов, владевший в 1650-х гг. поместьем в Рязском уезде. Наиболее успешную карьеру из его членов сделал окончивший в 1736 г. Шляхетский сухопутный корпус Д.И. Балашов, получивший в эпоху Екатерины II чин действительного статского советника и должность обер-прокурора Сената⁷. Его сын в возрасте пяти лет был записан фурьером в лейб-гвардии Преображенский полк, через три года стал гвардейским сержантом. С июня 1781 г. началась действительная служба одиннадцатилетнего мальчика, ставшего пажом при императорском дворе, а через шесть лет – камер-пажом. Пребывание в Пажемском корпусе ввели А.Д. Балашова в круг приближенных ко двору императрицы Екатерины II. Оно же дало систематическое и достаточно глубокое образование, весьма редкое для правящей элиты Российской империи в ту эпоху. В 1786 и 1787 гг. А.Д. Балашов был по итогам экзамена первым среди товарищей по Пажемскому корпусу. В его формулярном списке указывалось, что «российской грамоте читать и писать, по-французски и немецки умеет, арифметику, геометрию, артиллерию, фортификацию и механики знает»⁸. В юности А.Д. Балашов не был чужд и литературным заня-

⁶ Многочисленные служебные записки и проекты, связанные с генерал-губернаторской деятельностью А.Д. Балашова, отложились в фонде самого А.Д. Балашова в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (dalej: СПб ИИ РАН) (zesp. 16. Балашовых), там же находятся его воспоминания «Записки, касательные моей жизни», доведенные до 1819 г. Списки или копии документов, находятся также в фондах I отделения с.е.и. в канцелярии (Российского государственного исторического архива (dalej: РГИА). (zesp. 1409), Комитета 6 декабря 1826 г. (РГИА, zesp. 1167) и К.Г. Репинского (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, zesp. 637). Большая часть этих служебных записок и проектов опубликована в: *Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный, cz. 1: Материалы исторические и законодательные*, dz. 1, Sankt Petersburg 1870, s. 113-235. Литература о А.Д. Балашове представлена преимущественно краткими указаниями в изданиях справочно-энциклопедического характера. Из изданий последних лет см.: Я.Н. Длуголенский, *Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга и Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицеймейстеры (обер-полицеймейстеры), градоначальники*, Sankt Petersburg 2001, s. 99-103; Д.Н. Шилов, *Государственные деятели Российской империи. 1802-1917. Биобиблиографический справочник*, Sankt Petersburg 2001, s. 56-59. Наиболее подробное изложение биографии А.Д. Балашова, в котором он представлен в отрицательном виде, см.: М.А. Корф, *Деятели и участники в падении Сперанского*, «Русская старина» 1903, № 12.

⁷ РГИА, zesp. 1681, К.М. Бороздина, op. 1, sygn. 20, к. 1-2, *Родословная рода Балашовых*; В.В. Руммель, В.В. Голубцов, *Родословный сборник русских дворянских фамилий*, t. 1, Sankt Petersburg 1886, s. 105-107. В дореформенную эпоху не было устойчивого написания многих дворянских фамилий. Это касается и Балашовых. Сам А.Д. Балашов подписывался «Балашев». С.В. Мироненко в указ. работе использует такое же написание (dz. cyt., s. 26), Потомки министра полиции именовали себя «Балашовыми», это написание стало общеупотребительным в научной и справочной литературе.

⁸ Архив СПб ИИ РАН, zesp. 16, op. 1, sygn. 191, к. 6в., *Формулярный список А.Д. Балашова (1834)*. Переводе А.Д. Балашова см.: *Об открытии Нового Света, „Растущий виноград“ 1786, Апрель; О табаке,*

тиям и опубликовал несколько переводов в журнале «Растущий виноград». В эти годы сформировались его общественно-политические идеалы, на которые определяющее влияние оказала литература «эпохи Просвещения» и государственная практика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. На протяжении всей последующей службы А.Д. Балашов лично составлял наиболее важные бумаги, что было не характерно для сановников его ранга.

Пребывание в Пажеском корпусе приблизило А.Д. Балашова к самым вершинам власти Российской империи. В 1791 г. вместе с ним из этого привилегированного учебного заведения было выпущено всего шесть человек. В возрасте 21 года Балашов получил чин поручика и определен в лейб-гвардии Измайловский полк. Перед молодым офицером, который лично был хорошо известен императрице, открывалась возможность блестящей карьеры. Примеры ее показал жизненный путь таких известных государственных деятелей эпохи Александра I, окончивших Пажеский корпус, как О.П. Козодавлева (окончил в 1774 г.), Н.Н. Новосильцева (в 1783 г.), А.Н. Оленина (в 1783 г.), князя А.Н. Голицина (в 1794 г.). Но путь А.Д. Балашова к вершинам власти оказался гораздо сложнее и извилистее. Смерть отца резко ухудшила материальное положение семьи. А.Д. Балашов вынужден перейти в армию в чине подполковника, продолжив службу в Астраханском гренадерском полку, в составе которого участвовал в польском походе в 1795-1796 гг.

Еще больше его отдалила от придворных кругов вступление на престол Павла I. А.Д. Балашов перешел на службу в гарнизонные войска, пребывание в которых для большинства офицеров означало завершение карьеры. В возрасте 27 лет он назначается командиром Казанского гарнизонного полка. В феврале 1799 г. получает чин генерал-майора и перемещается еще дальше от столиц в глубь России в качестве коменданта Омской крепости и шефа местного гарнизонного полка. Служебное рвение едва не погубило его карьеру. Омский комендант арестовал шайку опасных преступников – фальшивомонетчиков и сообщил обер-прокурору Сената об этом. Император счел, что о подобных делах надо рапортовать ему лично и за нарушение установленного порядка высочайшим приказом в августе 1800 г. А.Д. Балашов был уволен со службы. Опальный генерал решился на смелый шаг, обратившись к императору с личным письмом, в котором изложил свои оправдания. Оно понравилось Павлу I, который был также быстр на милость, как и на гнев. В ноябре этого же года А.Д. Балашов вновь был принят на службу в качестве Ревельского военного губернатора. На Балтийском море шла необъявленная русско-английская война. У берегов Эстляндии крейсировала британская эскадра, угрожая прорывом к российской столице. Сконцентрированные здесь русские войска были объединены в корпус, начальником которого был назначен генерал-лейтенант барон Ф.В. Остен-Сакен, еще не вернувшийся из французского плена. Поэтому командовал корпусом и руководил подготовкой к обороне ближайших подступов к Петербургу на протяжении 1800-1801 гг.

tamže, Август; *О первобытном правлении Персидского государства*, *tamže*, Ноябрь; *Почтительное Исократово слово к Димонику*, *tamže*, 1787, Январь.

А.Д. Балашов⁹.

Смена правителей на российском престоле привела к нормализации отношений с Англией. Для А.Д. Балашова это означало повторный крах удачно складывавшейся карьеры. Должность военного губернатора в Ревеле была ликвидирована, с января 1802 г. он числился сначала в отпуске, а с декабря – «состоящим по армии». Только в августе 1804 г. последовал приказ о назначении его шефом Троицкого мушкетерского полка. Эта воинская часть размещалась на южной окраине империи - в Крыму и должна была переводиться в еще более удаленный район – на Кавказскую линию. А.Д. Балашов был недоволен этой должностью и в ноябре того же года подает в отставку.

Но в декабре он возвращается на службу и за шесть лет продвигается по служебной лестнице вплоть до министерского поста. Благодаря протекции своего сослуживца по Измайловскому полку Е.Ф. Комаровского, А.Д. Балашов был назначен московским обер-полицмейстером¹⁰. С ноября 1807 г. исправлял должность генерал-криг-комиссара (начальника Комиссариатского департамента), в марте 1808 г. занимает еще более ответственный пост – обер-полицмейстера Петербурга. Император заметил и оценил способности нового полицейского начальника. В феврале 1809 г. А.Д. Балашов назначается военным генерал-губернатором столицы, становится генерал-адъютантом, в марте получает чин генерал-лейтенанта и аренду в Волынской губернии на 12 лет. В 1810 г., сохранив прежний пост, назначается членом Государственного Совета и главой вновь учрежденного Министерства полиции. В ведение нового министерства перешли от Министерства внутренних дел Департаменты полиции исполнительной, полиции хозяйственной и медицинский. Особенная канцелярия Министерства полиции осуществляла те функции, которые позднее назвали «контрразведкой»¹¹.

В качестве министра А.Д. Балашов выполнял самые доверительные поручения императора. Ему же монарх доверял свои сокровенные планы. Как вспоминал сам генерал, в эти годы Александру I «благоугодно было ... по временам вразумлять меня об огромности высочайших предопределение, касательно устройства разных частей внутреннего управления в Империи»¹².

⁹ РГИА, зesp. 468, Кабинета е. и. величества, оп. 43, sygn. 563, к. 58-60, А.Д. Балашов Письмо Павлу I.

¹⁰ О назначении А.Д. Балашова московским полицмейстером см.: РГИА, зesp. 1286, оп. 1(1804), sygn. 26, к. 1-10; Е.Ф. Комаровский, *Записки*, Moskwa 1990, s. 87-88. Е.Ф. Комаровский (Камаровский). (1769-1843), с 1801 г. генерал-адъютант Александра I, граф (1803 г.), командир отдельного корпуса внутренней стражи (1811-1828 гг.).

¹¹ ПСЗ-I, № 24307. Публикация ряда документов, связанных с деятельностью А.Д. Балашова на этом посту см.: *Слухами Москва полнится (Из личного архива министра полиции А.Д. Балашова)*, „Родина” 1992, № 6/7, s. 87. Любопытно свидетельство о споре между императором и министром полиции на заседании Государственного совета по вопросу о преобразовании внутренней стражи. «Прения по сему предмету между государем и Балашовым... продолжали довольно долго, и сие заседание имело что-то конституционное» (Е.Ф. Комаровский, dz. cyt., s. 113).

¹² *Всеподданнейший доклад генерал-адъютанта А.Д. Балашова о первоначальном основании управления округа его порученного, [w] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений...*, s. 113. Об участии А.Д. Балашова в наполеоновских войнах см.: А.Д. Балашов, *Свидание с Наполеоном*, „Исторический вестник” 1883, № 5; Н.Ф. Дубровин, *Отечественная война в письмах современников (1812-1815 гг.)*, Sankt Petersburg 1882.

Быстрое продвижение по службе А.Д. Балашова было связано не только с его несомненными способностями и протекцией друзей молодости. На него повлиял, и тот подход к назначению на высшие посты, который сложился к этому времени у императора. На основе опыта первого десятилетия царствования Александр I убедился, что одних благих пожеланий и знания современных политических доктрин, которым обладали его ближайшие приближенные из числа членов Негласного комитета, недостаточно для управления огромной империей. Мало его устаивали и сановники, унаследованные от эпохи правления Екатерины II. Он нуждался не в советниках и наставниках, а в толковых исполнителях, не претендующих на особое влияние на императора, но лично преданных и разделяющих его политические представления. На протяжении всего своего правления Александр ощущал недостаток таких приближенных и пытался найти подходящие кандидатуры. Это объясняет причины быстрой карьеры А.Д. Балашова, возвращения к власти А.А. Аракчеева, выдвижения и последующей опалы М.М. Сперанского.

Два эпизода из государственной деятельности А.Д. Балашова до 1819 г. особо обратили на себя внимание современников: участие в падении М.М. Сперанского весной 1812 г. и поездка в качестве парламентаря к вторгнувшемуся в Россию Наполеону в июне того же года. Министр полиции находился при императоре на протяжении всех военных действий 1812-1815 гг. Вместе с А.С. Шишковым он стал инициатором отъезда Александра I из действующей армии в начале Отечественной войны 1812 г. Сам генерал-лейтенант, состоящий на военной службе более 30 лет, впервые оказался на поле боя только в сражении при Люцине в апреле 1813 г. В 1814 г. А.Д. Балашов намечался на должность генерал-губернатора Парижа. Но император выбрал другого кандидата – барона Ф.В. Остен-Сакена, с которым служебная карьера уже сводила А.Д. Балашова в 1800 г. в Эстляндию¹³.

После окончания наполеоновских войн А.Д. Балашов, вернувшись в столицу в августе 1817 г., оказался в двусмысленном положении. Его официально не уволили от прежних должностей, но они были заняты другим. Когда он отправился в 1812 г. с императором в действующую армию, должностям столичного военного губернатора и министра полиции на время его отсутствия исправлял генерал С.К. Вязмитинов. В воспоминаниях А.Д. Балашов писал, что император успокаивал его: «...ты никак не можешь сказать, чтобы тебя ни употребляли во время войны. Вот по возвращению нашему признаюсь, что ожидание мое не вы-

¹³ Стоит отметить, что в марте 1821 г., направляясь из Сибири в Петербург, М.М. Сперанский проезжал через Рязань, где находился генерал-губернатор А.Д. Балашов. Они провели полдня вместе, в ходе беседы обсуждали детали, приведшей к отставке и ссылке М.М. Сперанского. Главным виновником произошедшего оба называли графа Г.М. Армфельда (М.М. Сперанский, *Дневник*, [w] *В память графа М.М. Сперанского*, Sankt Petersburg 1872, s. 98). Популярность второго эпизода из биографии А.Д. Балашова связано с его упоминанием в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого, который использовал воспоминания А.Д. Балашова. Об участии А.Д. Балашова в наполеоновских войнах см. прим. нр. 12. и: *Записка А.А. Аракчеева, А.Д. Балашова и А.С. Шишкова Александру I* (Публ. К.М. Ячменихина), [w] *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. II. Сборник материалов. К 190-летию Отечественной войны 1812 г.*, „Труды ГИМ“ wyd. 137, Moskwa 2003.

полнимо и употребление твое было, не столь деятельно, как бы и ты и как бы я желал. Я полагал, что генерал Вязмитинов как человек старый только, что мне возвратится, будет просить увольнения, и ты бы тогда старые тогда свои места и заступил». Но почтенный ветеран в отставку не просился. Император же говорил о «некоторой деликатности в службе», которое не позволяет «у человека взять должность, от которой он не просится», к тому же «не должно смешивать с обыкновенной службою тех, которые употреблены были в 1812 году», добавив, что уволишь престарелого сановника «в отставку, а ему случится удар или умрет старик»¹⁴.

В октябре 1819 г. С.К. Вязмитинов скончался на 75 году жизни, но А.Д. Балашов и после этого оказался не у дел. Столичным генерал-губернатором был назначен М.А. Милорадович, Министерство полиции было вообще ликвидировано, а его полномочия были переданы Министерству внутренних дел, которое вместо умершего в июле 1819 г. О.П. Козодавлева возглавил В.П. Кочубей, с которым у А.Д. Балашова были неприязненные личные отношения.

Только 4 ноября 1819 г. последовал указ о назначении бывшего министра полиции генерал-губернатором Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний¹⁵. Такое перемещение с точки зрения бюрократической логики означало несомненное понижение. Сам А.Д. Балашов вспоминал: «При сем было много толков: иные говорили, что желали меня отделить от Министерства и даже от Петербурга, ... иные, что мне готовится чрез сие назначение участь Пестеля и Камбурля, двух генерал-губернаторов, погибших недавно. Да и вообще еще до сих пор ни один генерал-губернатор хорошо не кончил, и ни один министр никогда еще обвинен ни в чем не был»¹⁶.

Но это назначение не была формой почетной отставки потерявшего доверие монарха сановнику. Бывшему министру полиции император поручал выполнение ответственной миссии – подготовить к будущим преобразованиям центральные губернии страны. А.Д. Балашов 1 ноября 1819 г. получил аудиенцию, в ходе которой Александр I еще раз изложил сановнику свои мысли о

¹⁴ Архив СПб ИИ РАН, zesp. 16, Балашовых, op. 1, sygn. 217, *Балашов А.Д. Записки касательно моей жизни*, к. 88,

¹⁵ О назначении генерал-губернатором: РГИА, zesp. 1263, Комитета министра, op. 1, sygn. 189, *Именной указ Сенату от 4 ноября 1819 г.*, к. 264, 265. О вступлении в должность: РГИА, zesp. 1263, Комитета министра, op. 1, sygn. 217, к. 98-98v.; ПСЗ-I, т. XXXVII, № 28106, *Именной указ А.Д. Балашову от 19 января 1820 г. о назначении его генерал-губернатором Воронежской, Тамбовской, Тульской, Орловской и Рязанской губерний*.

¹⁶ А.Д. Балашов, *Записки касательно моей жизни...*, к. 100-100об. Отношение его недоброжелателей к этому назначению передают высказывания В.П. Кочубея. «Балашов отправился в прежнем своем духе и правилах. Давно потерявший здесь в общем мнении, он, кажется, собирается дать себе большой вид важности в провинциях, между тем перед отъездом не оставил он заняться маленькими интригами своими. Как-то: прогонами, столовыми деньгами и прочими. Всего просил - все получил, и все дали, и как не дать, лишь бы избавиться. Новые генерал-губернаторы думают, что они должны быть род министров в губерниях, кои должны поверять некоторым образом министров столичных». (В.П. Кочубей, *Письмо М.М. Сперанскому. 3 апреля 1820 г.*, [w] *В память графа М.М. Сперанского, Sankt Petersburg 1872, s. 293-294*). Иркутский, тобольский и томский генерал-губернатор И.Б. Пестель и генерал-губернатор волынский М.И. Камбурлей были удалены от должности по обвинению в злоупотреблениях.

предстоящих в стране преобразованиях. По мнению правителя существовавшее в XVIII в. «...внутреннее управление в высшей степени совокупленное в едином лице генерал-прокурора, под его всеобщим надзором ... в государстве ... обширном, какова Россия» не позволяет действовать власти «без больших неудобств и затруднений». Поэтому необходимо «разделение государственных частей, для успешного направления оных». В связи с этим были созданы министерства, деятельность которых объединял Комитет министров, и образован разделенный на отдельные департаменты Государственный совет. «...Дальнейшему учреждению сего хода воспрепятствовала война, минование оной же и утверждение прочного мира в Европе ныне позволяет ... обратиться снова к предмету внутреннего управления». Следующий шаг в реформировании страны император видел в образовании генерал-губернаторских округов. Первый из них должен быть тот, куда назначался А.Д. Балашов, затем предполагалось «распределить и все государство на подобное ему»¹⁷.

По замыслу императора генерал-губернатор должен был «...не новый образ гражданского управления учредить по губерниям, но столько допустить перемен в существовании, сколь нужно для приспособления оного к общему ходу дел, ныне вводимому. Во-вторых, перемены сии делать постепенно и не иначе, как в самом зрелом убеждении в их истинной пользе»¹⁸. Туманное выражение «приспособления к общему ходу» и означало, по мнению монарха, постепенное реформирование России, которое понималось как длительный процесс, а не одномоментный акт.

Наместники эпохи Екатерины II по Учреждению о губернии 1775 г. имели в подчинении по две губернии по 300-400 тыс. жителей каждая. Как писал А.Д. Балашов, «тот, который поручен мне, имеет таких пять, в коих вообще жителей 5.700.000, а каждая имеет более миллиона»¹⁹. В его воспоминаниях А.Д. приводят слова Александра I, разъясняющие, почему тот отказался от непосредственного повторения предшествующего опыта. «Я признаю, что не имею 26 человек ... таких генерал-губернаторов, которые бы, по мнению моему, могли быть способны на сии должности и вместе с тем не были бы необходимы к другим должностям. ...Мысль я обратил... чтобы собрать губернии по 5 под началом генерал-губернатора такового, на которого бы мог я положиться, и сделать его в равной степени с министрами, чрез что мог бы я найти человек 12 таких, каких мне надо, и довольно времени с каждым заняться всякий год о надобностях порученному ему края»²⁰.

¹⁷ *Всподданнейший доклад генерал-адъютант А.Д. Балашова о первоначальном основании управления округа его порученного, [w] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений...*, s. 113-114.

¹⁸ *Обозрение частей гражданского управления по губерниям...*, s. 117.

¹⁹ *Обозрение частей гражданского управления по губерниям и некоторые соображения по сему предмету, [w] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений...*, s. 120.

²⁰ Архив СПб ИИ РАН, zesp. 16, Балашовых, оп. 1, sygn. 217, А.Д. Балашов, Записки касательно моей жизни, к. 99.

К моменту назначения на генерал-губернаторский пост А.Д. Балашову исполнилось 49 лет. В российской глубинке появился деятельный и энергичный администратор с большим опытом. В его подчинении состояло пять черноземных губерний, расположенных на берегах Оки и Дона, и составляющие, по подсчетам самого генерал-губернатора, 1/8 жителей и 1/22 территории европейской части Российской империи²¹.

Первоначальная задача А.Д. Балашова заключалась в повышении эффективности существующего местного управления. Потом он должен был избрать одну губернию в качестве объекта постепенных преобразований административного аппарата, а затем распространить полученный опыт и на другие подчиненные ему губернии²². Указание о сути конкретных преобразований прозвучало только одно. Генерал-губернатор должен был создать совещательный орган из местных чиновников – Совет, который играть бы для губернских учреждений ту же роль, что Общее собрание Государственного совета и Комитет министров для высших и центральных. В 1827 г. А.Д. Балашов указывал, что «нашел важные неудобства в учреждении общего областного совета. Он входил о том с представлением к его величеству, и с высочайшего соизволения, заменил оный частными губернскими советами под предводительством самого генерал-губернатора»²³.

Первые месяцы своей деятельности А.Д. Балашов описывал следующим образом. «Целью поставил я себе ... усилить ослабевшее, предать бодрость впавшему в томность и бездействие, соединить разошедшееся, восстановить изменившееся, доделать недоделанное, вновь прибавить только то, в чем укажется необходимость, сообразно настоящим обстоятельствам»²⁴. На протяжении первого полугодия генерал-губернатор объехал все подчиненные губернии, оставаясь в каждой из них по месяцу для личного «наблюдения хода дел». Своей постоянной резиденцией А.Д. Балашов выбрал город Рязань, объясняя решение тем, что «губерния сия едва во всей Европейской России самая средняя по всем, думаю, отношениям: как по хлебопашеству, ремеслам, промышленности, просвещению и благонравию жителей. Город Рязань находится в одних расстояниях от Балтийского моря. От Белого моря, от хребта Уральских гор, от Каспийского моря, от Черного моря и от оных 1300 верст от каждого»²⁵.

Генерал-губернатор был человеком работоспособным и, в отличие от многих высших сановников той эпохи, не склонным к сибаритству. Он лично контролировал ход дел в подчиненных губерниях. Один из его подчиненных, чиновник особых поручений М.Н. Макаров вспоминал, что ежедневно к шести часам утра к генерал-губернатору являлись с донесениями полицейские чины, в

²¹ РГИА, зesp. 1167, Комитета 6 декабря 1826 г., *Опись дел Архива Государственного совета*, т. XVI, Sankt Petersburg 1912, sygn. 140, Балашов А.Д. *Докладная записка 9 июля 1821 гг.*, к. 109.

²² *Всеподданнейший доклад генерал-адъютант А.Д. Балашове о первоначальном основании управления округа его порученного...*, s. 115.

²³ *Журналы комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г.*, „Сборник Российского исторического общества“ т. 74, Sankt Petersburg 1891, s. 120.

²⁴ А.Д. Балашов, *Обозрение частей гражданского управления...*, s. 117.

²⁵ Архив СПб ИИ РАН, зesp. 16, op. 1, sygn. 242, Балашов А.Д. *Записки по Рязанской губернии*, к. 5, к. 3-3v.

десять часов - все чиновники его канцелярии и просители, в шесть часов вечера для обсуждения важнейших вопросов собирались наиболее приближенные из подчиненных ему чинов. «Утро Балашева начиналось вместе с восходом солнца, это летом, а в осень и в зиму со свечами. Его отдых был после обеда полчаса или, много, час и то, он дремал, сидя в кресле!»²⁶

Докладывая императору, генерал-губернатор не мог не отдать дань казенному оптимизму. «...Государство находится в полном успешном ходу своем к процветанию, так что со всей вероятностью положить должно, что все части улучшаться будут стремительно при едином только отвращении препятствующих тому причин»²⁷. Но, не смотря на почти 20-летний опыт административно-полицейской службы, А.Д. Балашов столкнулся с большими трудностями. «...Встретил я в самом начале по губерниям совершенное расслабление управительной части, ... исполнительная или полицейская часть была совсем без надзора!»²⁸. Генерал-губернатор привык к службе в столицах, где полицейская машина работала быстрее и эффективнее, чем в провинции. В мае 1820 г. он писал императору из Воронежа: «Отческое сердце Ваше, государь содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний»²⁹.

Служебные записки А.Д. Балашова свидетельствуют о том, что он осознавал недостатки существующего местного управления. Одним из них он считал запутанные отношения между губернатором, губернским правлением, высшими и центральными государственными учреждениями. «О министрах сказано: каждый по своей части имеет право представлять гражданскому губернатору, но на губернское правление ни один из них никакого влияния не имеет, что в оном происходит, им неизвестно. Между тем Правительствующий Сенат, не имея сведений также о предписаниях гг. Министров, беспрестанно подтверждает гражданских губернаторов, что бы они ничего не предпринимали иначе, как через губернское правление. Из сего и выходит два пункта начальных действий, между собой ни сходного, а иногда являющихся независимо от прочих действий губернаторов с третьего пункта, то есть от военного губернатора или генерал-губернатора...»³⁰

²⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (dalej: ОР РГБ), zesp. 231, М.П. Погодина. III, karton 7, sygn. 65, Макаров М.Н. Несколько заметок об А.Д. Балашове, к. 4v. Макаров М.Н. (1785-1847), литератор и журналист. См. именной указ А.Д. Балашову от 24 августа 1821 г. расширяющие его права при подборе кандидатов для замещения должностей в присутственных мест и выборов дворянства (ПСЗ-I, т. XXXVII, № 30.033). Среди состоящих при генерал-губернаторе чиновников для особых поручений наиболее известной фигурой был уволенный в 1821 г. с поста директор Петербургского университета Д.А. Кавелин (1778-1851), отец знаменитого ученого и общественного деятеля К.Д. Кавелина.

²⁷ А.Д. Балашов, *О приспособлении губернского управления в Рязани к общему ходу дел*, [w] *Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений...*, s. 148.

²⁸ А.Д. Балашов, *Обозрение частей гражданского управления...*, s. 118.

²⁹ РГИА, zesp. 1409, Собств. Е.И.В. канцелярии, ор. 1, sygn. 329, Балашов А.Д. *Письмо Александру I. 2 мая 1820 г.*, к. 1v. Полностью это красноречивое письмо приведено: С.В. Мироненко, dz. cyt., s. 200-201.

³⁰ А.Д. Балашов, *Обозрение частей гражданского управления...*, s. 117. О взаимоотношении этих учреждений в более позднюю эпоху см.: М.М. Шумилов, *Губернские канцелярии и губернские правления в России 50-80-х гг. XIX в.*, [w] *Проблемы социально-экономической и политической истории XIX-XX вв.*, Sankt Petersburg 1999.

Критически отзывался А.Д. Балашов о деятельности гражданских губернаторов, которые «...пришли в такое положение, что вступающие в сие звание, одни стараются придерживаться единственно того, что находят в постановлениях, остаются в сжатом положении без действия; другие, пылкостью характера и деятельностью увлеченные. Выходя, для действия своего, из пределов предписанного, а часто и для выслуги одной берут на себя власть свыше им присвоенной»³¹. Также низко генерал-губернатор оценивал и основную массу провинциальных чиновников. «Повсюду в губерниях видим мы великий недостаток в знающих и способных чиновниках и канцелярских служителях». Помимо недостаточной уровня компетентности, еще большим злом он считал взяточничество. «Класс людей служащих, по общему всех внутреннему убеждению, не имеет капиталов, не происходящих доходов от собственности. ... Впрочем, люди сии живут и существуют, следовательно, налог на ком-то лежит и собирается... к расстройству доброй нравственности и в укор самого правительства»³².

Содержание служебных записок генерал-губернатора свидетельствуют о том, что он, как и сам император, выступал сторонником реформирования страны. Россия представлялась генерал-губернатору находящейся на пути от «невежества» к «просвещению». Отсюда вытекала одна из важнейших, по мнению А.Д. Балашова, проблем – обеспечение законности управления. «Закон есть важнейшая основа благосостояния народа или жителей, государство наполняющих». Необходимое условие для его реализации он видел в «уложениях, учреждениях, уставах, наказах, инструкциях внутренних, правилах и обрядах». «Ибо правила, как бы они не были недостаточны к изъяснению закона, всегда будут менее пристрастно составлены, нежели сбивчивое иногда толкование закона»³³.

Этот идеал регламентаций всех сторон жизни, прежде всего деятельности чиновников и учреждений всех уровней, был, несомненно, бюрократическим по своему характеру. Но другого способа обеспечения законности в самодержавном государстве быть не могло. Там, где не было бюрократической регламентации, там действовала только традиция, а часто и просто злоупотребление служебным положением со стороны чиновников. Регламентация должна была, по мнению А.Д. Балашова, сопровождаться «надзором» за всеми учреждениями и чиновниками. «Сие есть правило непреложное, что всякое управление без надзора, всегда будет нечувствительно отходить от правильности и порядка». Правительствующий Сенат не мог «надзирать за тысячу верст». Надзор губернских прокуров «... слишком слаб и ничтожен». Поэтому «надзор за управлением и за самим губернатором лежит на генерал-губернаторе»³⁴. Только в форме разделения функций между отдельными ведомствами и поисков путей организации эффективного контроля над ними доктрина разделения властей могла воплотиться в практику управления Российской империи. Других путей для воплощения теоретических идеалов «правительственного конституционализма» в тогдашней

³¹ Tenže, *Обозрение частей гражданского управления...*, s. 125.

³² Там же, s. 144-145.

³³ Там же, s. 144.

³⁴ Там же, s. 121.

российской провинции, где господствовал произвол чиновников, ограниченный только обычаем и страхом наказания со стороны начальства, не существовало.

Одним из главных бичей управления и судопроизводства дореформенной эпохи была волокита, избавиться от которой было невозможно. При всем формализме, служебные бумаги давали, хотя бы минимальные, гарантии от произвола чиновников. А.Д. Балашов прилагал большие усилия для того, чтобы поставить под контроль и ускорить поток бумаг в уездных и губернских учреждениях. Генерал-губернатор понимал, что быстрота и четкость, которую он требовал, и которую пытались продемонстрировать подчиненные, чаще всего не соответствовала реальности. Но продолжал неуклонно добиваться этого, рассуждая следующим образом. «Отменить контроль, пойдет, опять медля, а полиции ... обязана говорить, мыслить, слушать и действовать в одно и то же время, ее исполнительность должна быть точна непременно. ... С другой стороны, поспешная действенность за течением дел хороша уже тем, что она не дает стать делу, шевелит его, напоминает о нем»³⁵.

Одной из важной задач местной администрации А.Д. Балашов считал «уравнение» земских повинностей. Их выполнение в натуральной форме и оплата в денежном исчислении, а также раскладка между различными селениями и группами податного населения, были источником постоянных конфликтов и злоупотреблений. «Повинности сии были бы неотяготительны собою; но образом взимания их, тьмою мелких злоупотреблений, отягощают неимоверно»³⁶.

В служебных записках генерал-губернатора постоянно, хотя в очень осторожной форме, затрагивалась сложнейшая проблема российской жизни – крестьянский вопрос. По его подсчетам на протяжении 1820-1827 гг. на территории пяти подчиненных ему губерний произошло 117 случаев крестьянских волнений. Прежде всего, он обратил внимание на положение казенных крестьян, которые «находятся без необходимого им покровительства, без распорядку и часть притеснены, то от волостных голов, то от чиновников земской полиции, высших и низших, то от соседних помещиков». Генерал-губернатор ставил вопрос и о необходимости изменений в положении помещичьих крестьян. «... Ежедневными жалобами беспокоят чиновников правительства ... нередко помещики на подвластных им крепостных людей, а еще чаще крестьян и дворовых людей на своих помещиков». Решение крестьянского вопроса А.Д. Балашов видел в регламентации отношений между помещиками и их крестьянами со стороны государства. «Сия материя есть великой многосложности и большой осторожности требующая, то я здесь, много не распространяясь, упомяну только о том, что надлежит по части полицейской показать в постановлении общие пункты соединения обязанностей и прав каждого, и отдельно, их обязанности к их помещикам»³⁷.

³⁵ ОР РГБ, зesp. 231, М.П. Погодина, оп. III, karton 7, sygn. 65, Макаров М.Н. Несколько заметок об А.Д. Балашове, к. 2v.

³⁶ А.Д. Балашов, О приспособлении губернского управления в Рязани к общему ходу дел, dz. cyt., s. 147.

³⁷ РГИА, zesp. 1167, Комитета 6 декабря 1826 г., *Опись дел Архива Государственного совета*, т. XVI, Sankt Petersburg 1912, sygn. 140, Балашов А.Д. *Всеподданнейшее донесение, декабрь 1826 г.*, к. 7; А.Д. Бала-

Деятельность А.Д. Балашова не ограничивалась контролем над административно-полицейскими учреждениями. Вступая в должность генерал-губернатора, он ставил перед собой задачу попечительства о народном образовании, здравоохранении, благотворительности и других сферах общественной жизни. Генерал-губернатор уделял большое внимание учебным заведениям, расположенным на подвластной ему территории. Генерал-губернатор уделял большое внимание учебным заведениям, расположенным на подвластной ему территории. Это касалось, прежде всего, губернских гимназий и дворянских воспитательных учреждений в Тамбове и Туле. Он заботился о подборе кадров педагогов, снабжении книгами и наглядными пособиями, подъеме престижа образования и учебных заведений. Учившейся в эти годы в Рязанской гимназии известный литератор А.Д. Галахов вспоминал, что на это время пришлось большие изменения в жизни учебного заведения. «Дворянство не боялось уже отдавать своих детей в гимназию и относилось уважительно к образованию, в ней получаемому... Нельзя было не заметить перемены и в учащихся: они приличнее держали себя, лучше соблюдали классный порядок, внимательнее смотрели за своею одеждою, книгами и тетрадами. Неблагопристойные слова, грубые выходки, кулачные бои прекратились»³⁸. По инициативе А.Д. Балашова было открыто чертежное отделение при Рязанской гимназии, предназначенное для подготовки землемеров и техников из числа малоимущих дворян, училища для детей канцелярских служителей в Тамбове и Рязани.

Под попечительством генерал-губернатора развивалась научно-исследовательская деятельность в подчиненных ему губерниях. Она осуществлялась под руководством чиновников по особым поручениям Д.А. Кавелина и М.Н. Макарова, а также состоящих в штате его канцелярии специалистов (член-корреспондента АН И.Х. Гаммеля, горного инженера В. Лудлова, подполковника корпуса инженеров путей сообщения А. де Виано). При поддержке генерал-губернатора были изданы в Москве несколько книг о прошлом и современном состоянии подчиненных ему территорий, началась книгоиздательская деятельность в Туле. Одним из авторов был местный губернатор граф В.Ф. Васильев, племянник покойного министра финансов А.И. Васильев. В этом же губернском центре по инициативе властей в 1820 г. был подготовлен проект издания газеты «Тульские ведомости». В периодических изданиях Петербурга и Москвы регулярно стали появляться корреспонденции о положении пяти, подчиненных А.Д. Балашову

шов, *Обозрение частей гражданского управления...*, s. 134-135, 140. Очевидно, с генерал-губернаторской деятельностью А.Д. Балашова связано появление сенатского указа 18 марта 1825 г., который предоставлял генерал-губернаторам и военным губернаторам право, учреждать в подчиненных им губерниях опеки над имением помещиков за жестокость и расточительство (ПСЗ-I, т. XXXX, № 30.297).

³⁸ А.Д. Галахов, *Записки человека*, Moskwa 1999, s. 57-58. Он же приводил следующий эпизод, характеризующий генерал-губернатора. По его просьбе директор гимназии подал записку о книгах, в которых нуждается учебная библиотека: «сочинения Шиллера, или сочинения Гете, или сочинения Корнелия и Расина». «Балашов понял смысл записки и заменил союз «или» союзом «и», так что библиотека наша зараз получила книг рублей на шестьсот». Галахов А.Д. (1807-1892), историк литературы и мемуарист, учился в 1819-1822 гг. в Рязанской гимназии.

губерний³⁹.

Попечительская деятельность генерал-губернатора повлияла и на формирование исторического самосознания, как всей России, так и жителей управляемого им региона. На территории, подчиненной А.Д. Балашову, находились два исторических памятника общерусского значения, интерес к которым в образованной среде в это время был связан с выходом в свет первых томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Это была Старая Рязань, разоренная в XIII в. ханом Батыем столица Рязанского княжества, и Куликово поле. Общероссийское значение имела находка в 1822 г. «рязанского клада», древнерусских ювелирных украшений из золота, весом более 2,8 кг. Находка, сделанная случайно, была замечена местными властями и, благодаря их действиям, получила большой общественный резонанс, положив начало развитию археологии Древней Руси. В этом же году предпринял поездку по Рязанской губернии с целью осмотра архивов и исторических памятников К.Ф. Калайдович, известный исследователь и археолог. С инициативой сооружения памятника на месте Куликовской битвы выступил помещик Рязанской губернии С.Д. Нечаев, владевший этими землями. Генерал-губернатор поддержал его и организовал подписку в столицах и других городах для сбора средств на сооружения монумента. Он же получил разрешение от императора на открытие при памятнике богадельни для воинов-инвалидов русской армии⁴⁰.

Важной частью деятельности генерал-губернатора было здравоохранение и социальное попечительство. В 1820 г. на подчиненной территории было более 3 тыс. «призреваемых», в 1824 уже более 12 тыс. человек. В 1822 г. в Рязани был открыт по английскому образцу Дом трудолюбия, который должен был стать образцом для других городов. По приказу А.Д. Балашова чиновник особых поручений Д.А. Кавелин подготовил проект открытия в подчиненных губерниях

³⁹ Гаммель И.Х. (1788-1861), известный естествоиспытатель, медик, инженер, экономист, член-корреспондент АН с 1813 г., академик по кафедре технологии с 1829 г. Лудлов В., горный инженер, руководил в 1806 г. экспедицией на Новую Землю. Виано де А., подполковника корпуса инженеров путей сообщения, перешедший на русскую службу испанец. Он, скорее всего, и был автором «проекта А.Д. Балашова» об устройстве дорог (1822 г.), о котором см.: *Историческое обозрение деятельности Комитета министров*, t. 1, Sankt Petersburg 1902, s. 512-513. При поддержке генерал-губернатора были изданы: Т.Я. Воздвиженский, *Историческое обозрение Рязанской епархии*, Moskwa 1820; Т.Я. Воздвиженский, *Историческое обозрение Рязанской губернии*, Moskwa 1822; Д.Т. Воздвиженский, *Могущество, величие и слава России*, Moskwa 1822; *Краткие записки к статистической таблице округа, подчиненного надзору генерал-адъютанта Балашова*, Moskwa 1823. В Туле изданы: В.Ф. Васильев, *Общее понятие о Тульской губернии*, Тула 1820; В.Б. Броневский, *Обозрение Южного берега Тавриды*, Тула 1822; Ф.Г. Покровский, *Дмитрий Иванович Донской*, Тула 1823. (Об авторах и изданиях см.: О.Е. Глаголева, *Тульская книжная старина. Очерки культурной жизни XVIII-первой половины XIX вв.*, Тула 1992, s. 9-18). О проекте издания в Туле газеты см.: О.Е. Глаголева, *Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII-первая половина XIX в.*, Тула 1993, s. 103-104. Авторами большинства корреспонденций были М.Н. Макаров и С.Д. Нечаев.

⁴⁰ К.Ф. Калайдович, *Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунком найденных там в 1822 году древностей*, Moskwa 1823; ОР РГБ, зesp. 231, М.П. Погодина, оп. III, karton 7, sygn. 65, Макаров М.Н. *Несколько заметок об А.Д. Балашове*, к. 1v.-2; ПСЗ-1, t. XXXVII, № 30.040, *Указ о водворении изувеченных воинов близ памятника, воздвигаемого вел. кн. Дмитрию Ивановичу Донскому на Куликовом поле.*

попечительского общества о тюрьмах и исправительных домах и общества о «признении ближнего»⁴¹.

Планы и деятельность генерал-губернатора свидетельствовали о том, что на вверенной территории он пытался проводить тот реформаторский курс, который был характерен для первых лет правления Александра I. Первоочередной задачей было совершенствование административного аппарата, повышение эффективности его деятельности. Предполагаемый «надзор» осуществлялся в форме непосредственного вмешательства генерал-губернатора во все сферы деятельности всех государственных учреждений на территории пяти подчиненных ему губерний. Идея представительства населения если и предполагалась, то, как отдаленное будущее. О проводивших дворянских выборах А.Д. Балашов высказывался отрицательно, заявляя, что «выборы дворянские цели, им предложенной, совсем не выполняют». Такое же невысокое мнение у генерал-губернатора было о провинциальных служителях Фемиды, кадры которых комплектовались выборным путем. «Судьи в обоих сих местах законов не знают и избираются отнюдь не потому, что бы имели к знанию оных способность или к отправление их навык, а дворяне потому, что кого-то да надо же избрать, а купечество для поравнения службы с другими. Ибо все чувствуют и, не таясь, говорят, что сие отвлечение от коммерческих дел расстраивает, и сколько могут от выборов отделиться. Что, впрочем, и простительно, ибо невольные сии судьи часто и сами попадают под суд по делам, которые подписывают, их не понимая»⁴².

Начало новому этапу деятельности А.Д. Балашова положило высочайшее повеление от 2 марта 1823 г. предпринять в Рязанской губернии опыты, «приспособивая к управлению оной к общему ходу дел ныне введенному»⁴³. Предполагалось, прежде всего, создание губернского совета под председательством генерал-губернатора. В его состав должны были войти все высшие губернские чиновники, которым поручался «надзор над правильным и успешным действием всех местилищ, как принадлежащих к составу самой губернии, так равно и тех, кои, завися от особенных ведомств, отправляют в оной постоянные долж-

⁴¹ РГИА, зesp. 1167, Комитета 6 декабря 1826 г., *Опись дел Архива Государственного совета*, т. XVI, sygn. 140, *Бумаги, представленные А.Д. Балашовым после кончины императора Александра I. Статистические таблицы*, к. 57v. Указ об учреждении в Рязани Дома трудолюбия см.: ПСЗ-I. Т. XXXVII. № 28809. *Проекты открытия обществ* см.: ОР РГБ, зesp. 548, Кавелиных, ор. 1, sygn. 12. Об системе приоритетов А.Д. Балашова как администратора дает представление перечень таблиц, которые он приложил к своим отчетам об итогах управления подчиненными губерниями в 1827 г.: «О делах присутственных мест», «о делах уголовных осужденных», «о подсудимых», «об арестантах», «о рекрутах», «денежные недоимки», «об ослушании и буйствах», «о продовольствии», «о состоянии приказов общественного призрения», «о состоянии воспитательных заведений», «о прививке предохранительной оспы» - РГИА, зesp. 1167, Комитета 6 декабря 1826 г., *Опись дел Архива Государственного совета*, т. XVI, sygn. 140, к. 64-89.

⁴² А.Д. Балашов, *О приспособлении губернского управления в Рязани к общему ходу дел...*, s. 147; *tenže*, *Обозрение частей гражданского управления по губерниям...*, s. 128-129.

⁴³ ПСЗ-I. Т. XXXVIII. № 29334, *Рескрипт генерал-губернатору А.Д. Балашову о преобразовании губернского правления в Рязанской губернии от 2 марта 1823 г.*; *О приспособлении губернского управления в Рязани к общему ходу дел*, [w] *Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений...*, s. 146.

ности, или временные поручения»⁴⁴. Должны были также быть созданы уездные советы. Затем предполагалось создание и волостные советы в составе волостного головы и двух заседателей из числа казенных крестьян. Также были подготовлены уставы губернского и уездного Советов и инструкции для новых должностей. Представленные на рассмотрение императору, все «возвращаемы были они для приведения в испытание, без формального их утверждения, приказано было заготавливать таковые же по всем тем, кто надзор иметь был обязан, начиная с самых нижних ступеней оного; как-то: хозяину крестьянского двора, десятскому, сотскому и выше восходя постепенно»⁴⁵.

Губернский совет в Рязани начал действовать 9 декабря 1824 г., уездные советы – с января 1825 г. В начале 1825 г. Балашов просил императора об увольнении от должности генерал-губернатора. Но получил ответ, что высочайшее согласие последует на это только тогда, когда все пять губерний будут подготовлены к преобразованиям. На протяжении года губернские и уездные советы были созданы и в остальных губерниях: 20 мая 1825 г. – в Орле, 22 мая – в Туле, 7 июля – в Воронеже, 10 августа в Тамбове. Должности начальника губернской полиции были введены в июне 1825 г. в Тульской и Орловской, в августе – в Тамбовской и Воронежской губерниях. Поскольку все это делалось по личному указанию императора, то можно предположить, что и накануне своей скорострительной смерти Александр I не отказался от реформаторских планов.

Вступление Николая I на престол положило конец административной деятельности А.Д. Балашова. Первый удар по генерал-губернатору последовал со стороны министра юстиции Д.И. Лобанова-Ростовского, который еще в момент «междоусобия» 7 ноября 1825 г. внес в Комитет Министров записку, в которой А.Д. Балашов был обвинен в нарушении законов.. Комитет 6 декабря 1826 г. пришел к выводу о необходимости не только отказаться от всех сделанных изменений, но и упразднить саму должность генерал-губернатора. Рескрипт от 12 июня 1827 г. восстанавливал в подчиненных А.Д. Балашова губерниях прежнее правление⁴⁶. После этого, как выразился один из мемуаристов, «генерал-губер-

⁴⁴ А.Д. Балашов, *Проект Устава общего гражданского управления, прилагаемый 16 января 1825 г.*, [w] *Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений...*, s. 154.

⁴⁵ А.Д. Балашов, *Отчетные записки по Рязанской губернии. С 1823 по 1827 гг.*, [w] *Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений...*, s. 216. Эти документы опубликованы: *Проект устава общего губернского правления*, [w] *там же*, s. 152-165; *Проект устава общего уездного управления*, [w] *там же*, s. 166-177; *Начальные правила краткой инструкции начальнику губернской полиции*, [w] *там же*, s. 182-187; *Инструкция помощникам начальника губернской полиции*, [w] *там же*, s. 188-193; *Распорядок о назначении впредь сотских и десятских*, [w] *там же*, s. 194; *Наставления сотским в деревнях*, [w] *там же*, s. 195-202; *Наставления десятским в селениях*, [w] *там же*, s. 203-208; *Наставление каждому хозяину в селении*, [w] *там же*, s. 209-212. О содержании этих проектов см.: Ю.В. Тот, *Полицейские учреждения в проектах преобразования местного управления А.Д. Балашова*, [w] *Россия в XIX-XX вв.*, Sankt Petersburg 1998.

⁴⁶ *Журналы комитета учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г.*, „Сборник императорского Русского Исторического общества“ t. 74, Sankt Petersburg 1891, s. 116-121, 139-147. Помимо В.П. Кочубея и М.М. Сперанского в состав комитета входили князь А.Н. Голицин, И.И. Дибич, граф П.А. Толстой, И.В. Васильчиков. Полное собрание законов Российской империи, собрание второе, Sankt Petersburg 1830, т. II, № 1170, *Рескрипт о восстановлении прежнего порядка управления в*

наторство было уничтожено, и в Рязани опять воцарились губернаторы, не замешанные уже более ярким светильником генерал-губернатора»⁴⁷.

Сам А.Д. Балашов до отставки в 1834 г. оставался членом Государственного совета, но при новом императоре не играл заметной роли. В 1837 г. он скончался в Кронштадте, накануне отъезда на лечение за границу⁴⁸.

В эпоху правления Николая I правительственные круги отказались как от идей конституционализма, так и от создания генерал-губернаторских округов на основной территории Российской империи. Но, помимо изменения правительственного курса, на результаты деятельности А.Д. Балашова оказало влияние еще одно обстоятельство. Сановник, обладающий личной доверенностью императора, оказался в российской провинции в положении, человека, чьи действия и даже слова не только не встречали понимания, но и вызывали недовольство большинства населения подчиненных ему территорий.

Уже упомянутый Д.И. Ростиславов отмечал, что «сам по себе Балашов был, кажется, в Рязани честным человеком», хотя его окружение брало с просителей взятки за услуги, но это не вызывало раздражения местных жителей, так как было традиционным явлением⁴⁹. Недовольство городских обывателей вызывали попытки генерал-губернатора изменить привычный образ жизни провинциального общества. Он требовал от домовладельцев и городских обществ расходов и усилий по мощению и уборке улиц, организации уличного освещения, содержанию в порядке школ, лечебных и благотворительных учреждений, пожарных обозов. Все это воспринималось как новые повинности, нарушающие прежние традиции и нормы. Точно также местное крестьянство оценивало усилия генерал-губернатора по улучшению дорог и мостов на подчиненной ему территории.

Д.И. Ростиславов указывал, что «...чиновники высшие и средние едва ли не более горожан его ненавидели. Губернаторы, председатели и советники палат, и прочая чиновная знать принуждены были находиться под постоянным надзором его высокопревосходительства, вечно быть по пословице «в струнку», постоянно ожидать, что вот по жалобе какого-либо мужика или мещанина придется давать неприятные объяснения пред высшею властью на счет замедления

губерниях Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской от 12 июня 1827 г.; РГИА, зesp. 1286, Департамент полиции исполнительной, ор. 4, sygn. 720, Об увольнении от должности генерал-губернатора А.Д. Балашова, к. 1-74.

⁴⁷ Д.И. Ростиславов, Записки, „Русская старина“ 1894, № 12, s. 57. Ростиславов Д.И. (1807 или 1808-1877), профессор Петербургской духовной академии, известный церковный деятель сер. XIX в., сторонник реформирования положения белого духовенства. Сын сельского священника, учился в Рязанской духовной семинарии в 1820-е гг.

⁴⁸ См.: Г.И. Студенкин, *Время кончины А.Д. Балашова*, „Русская старина“ 1892, № 11.

⁴⁹ Д.И. Ростиславов, *Записки...*, s. 57. Любопытный пример злоупотреблений приводит в донесении к А.Д. Балашову посланный обследовать Тульскую губернию генерал И.Н. Скобелев: «...реvizовавший сию губернии прежде меня статский советник Федотов к стыду рода человеческого, где недоставало денег, брал даже и дворовой птицей (разумеется, хорошо упитанной), каковой привезено было в Рязань на 12 подводах, и что городничий ... по системе приносил ко мне 1300 рублей денег...» (ОР РНБ, зesp. Н.К. Шильдера, karton 17, sygn. 6, Скобелев И.Н. *Донесение о ревизии Тульской губернии (1824 г.)*, к. 20).

или неправильного решения какого-то дела». Для основной массы провинциального чиновничества представляло угрозу разрушение традиционной системы продвижения по службе в провинциальных учреждениях. «...Не будь в Рязани генерал-губернатора, каждый из менее важных чиновников мог лелеять себя надеждою получить более высокую должность или в губернской администрации, или где-либо в уездном городе сделаться хоть секретарем уездного суда. А тут ... канцелярия его была неистощимым рассадником, из которого добывали преимущественно чиновников для занятия более или менее важных должностей»⁵⁰.

Провинциальное чиновничество, в силу служебного положения, не имело возможности открыто протестовать против действий генерал-губернатора, ограничиваясь скрытым сопротивлением его начинаниям. Единственной группой населения, которая могла себе позволить открытую оппозицию, было поместное дворянство. К середине 1820-х гг. деятельность тайных обществ находила определенный отклик в провинции, в частности, и на территории вверенных А.Д. Балашову губерний. Среди поместного дворянства подчиненных ему губерний встречались те, кто дружескими или родственными узами были связаны с тайными обществами, или непосредственно был причастен к ранним организациям декабристов. Встречаются даже свидетельства о существовании отделения Союза Благоденствия в Туле, организованного директором местной гимназии С.Д. Нечаевым, помещиком Рязанской губернии. Этот узкий слой просвещенного провинциального дворянства к середине 1820-х гг. был ближе к идеям раннего декабризма 1810-х гг., чем к радикальным настроениям столичной офицерской молодежи кануна декабрьского восстания. Составной частью этих недостаточно определенных оппозиционных представлений было противопоставление прав российского дворянства самоуправству чиновников⁵¹.

⁵⁰ Там же, s. 61.

⁵¹ О существовании группы Союза Благоденствия в Туле, организованной директором гимназии С.Д. Нечаевым, сделал показания один из ее учителей Д.И. Альбицкий (См.: С.Л. Мухина, *Безвестный декабрист (П.Д. Черевин, С.Д. Нечаев)*, «Исторические записки» т. 96, Moskwa 1975). О С.Д. Нечаеве см.: В.А. Шкерин, *От тайного общества до Святейшего Синода. Декабрист С.Д. Нечаев*, Jekaterynburg 2005. В самой Рязани был арестован в январе 1825 г. адъютанта начальника, расквартированной здесь 4 пехотной дивизии поручик князь К.П. Оболенский, член Московской управы Северного общества. Обширные родственные связи среди декабристов имел воронежский губернатор Н.Н. Кривцов В январе 1826 г. в его доме был арестован приехавший в отпуск его брат подпоручик С.И. Кривцов, член петербургской ячейки Южного общества. Тогда же в Орле арестовали их дальнего родственника поручика А.А. Плещеева, член петербургской ячейки Южного общества. Братями жены С.И. Кривцова были члены Южного общества подпоручик А.Ф. Вадковский и прапорщик Ф.Ф. Вадковский. Среди поместного дворянства пяти губерний также встречались люди, связанные с тайными обществами. Например, в Раненбургском уезде Рязанской губернии проживал отставной капитан лейб-гвардии Измайловского полка член П.Н. Семенов, вступивший во время службы в Союз Благоденствия. Члены тайного общества обращали внимание на деятельность А.Д. Балашова в качестве генерал-губернатора. Арестованный в Рязани поручик К.П. Оболенский показывал: «Многие из членов предлагали мне в Рязани иметь управление генерала Балашова и делать краткие письменные замечания» (*Восстание декабристов*, т. 18, Moskwa 1984, s. 246). Члены Северного общества В.И. Штейнгель и Г.С. Батеньков упоминали о деятельности Балашова на следствии, отзываясь о ней отрицательно. (В.И. Семевский, *Политические и общественные идеи декабристов*, Sankt Petersburg 1909, s. 87-88).

Эта среда образованного провинциального дворянства и породила открытую фронду летом 1824 г., когда губернаторы по приказу А.Д. Балашова разослали по уездам инструкции о назначении десятских из числа помещичьих крестьян. Инициатором протеста против них стал крупный помещик Раненбургского уезда Рязанской губернии князь С.С. Бярятинский. Он отказался выполнять предписание, и в письменном виде не только заявил об этом местному земскому суду и уездному предводителю дворянства, но и потребовал от них прекратить его исполнение. Князь доказывал, что оно наносит дворянству материальный ущерб, отрывая от них крестьянские руки, и, что самое главное, противоречит Жалованной грамоте дворянству. «Предписание сие как я, равно и каждый дворянин, имеет законное право не допустить к действию, ибо оное проистекает не от воли монаршей. Существующими в России законами сохранение порядка, тишины, благоустройства каждого помещичьего имения возложено на ответственность самих владельцев, без пособия десятских, избранных из среды их подвластных. Не оскорбительно ли дворянскому сословию пребывать под надзором рабов своих? Не потрясается ли спокойствие, достоинство оного толпою десятских, отложившихся от повиновения своих владельцев?»⁵²

Для увещевания князя С.С. Борятинского генерал-губернатор отправил чиновника особых поручений статского советника А.Ф. Федотова. В имении князя в селе Никольском был устроен торжественный обед для него. Пасынок хозяина В.Н. Бензенгр писал в воспоминаниях: «живо помню эту сцену, когда к концу парадного и длинного обеда, за которым были почти все дворяне уезда, с предводителем и сиденьким старичком, с Анной с бриллиантами на шее, Федотовым, сидевшими по ту и другую сторону князя, после долгого и горячего спора о незаконности введения десятских, разгоряченный князь закричал: «... шестерик в коляску и отвезти Г-на Федотова в Рязск!», а сам ушел в гостиную, захлопнув за собой дверь. Не знаю, что и как последовало за тем, но положительно знаю, что на этом оборвался проект учреждения десятских в помещичьих имениях, о чем я не раз слышал и потом еще при жизни князя, ...так и после его кончины»⁵³.

Даже ближайшее окружение генерал-губернатора не разделяла полностью его представлений. Свидетельством этого является отношение к деятельности А.Д. Балашова генерал-майора И.Н. Скобелева. Генерал-губернатор, знавший его по прежней службе, предлагал ему сначала должность гражданского губернатора в Рязани, затем состоять при нем для особых поручений, на что и получил согласие в 1824 г. В мае 1826 г. И.Н. Скобелев направляет начальнику

⁵² С.С. Борятинский, *Объяснение заседателю Раненбургского земского суда. 26 июня 1824 г.*, [w] *Труды Рязанской ученой архивной комиссии*, Riazan' 1888, t. III, № 1, s. 5. Князь Борятинский (Борятинский) С.С. (около 1790-1830), отставной штабс-ротмистр, до отставки с военной службы в 1817 г. был близок к декабристским кругам, в 1812 г. служил в кавалерийском полку графа М.А. Дмитриева-Мамонова, дальний родственник декабриста кн. А.П. Борятинского, двоюродный брат мемуариста С.П. Жихарева. Воспоминания последнего «Записки современника» представляют собой письма, адресованные князю С.С. Борятинскому.

⁵³ [Бензенгр В.Н.], *Князь С.С. Борятинский. Биографический очерк. Из воспоминаний*, [w] *Труды Рязанской ученой архивной комиссии*, Riazan' 1888, t. III, s. 3.

главного штаба И.И. Дибичу донос на А.Д. Балашева. В нем генерал-адъютант Александра I обвинялся в покушении на основы государственного порядка Российской империи. «...Беседуя однажды с ним о новых законах, осмелился в противоречии ...сказать свои сомнения, что лучший способ придерживаться полному смыслу бессмертного учреждения о губерниях Государыни Екатерины. Конечно так, ..., отвечал он, но народное просвещение настоящего времени требует мер иных, теперь уже идет (да чего и желать надобно), чтобы мы шаг за шагом сближались, ... с коренными отечественными законами, каковые приняты в одной только благословенной Англии». Предусмотрительный генерал при разговорах с начальником стремился иметь свидетеля, при котором «не примеченным образом возбудил я жар патриотизма, и его высокопревосходительство, раззяв похвалами Английским законам, коснулся всех тех ограничений, или что справедливее, той узды в коей народ буйный держит своего монарха!» Особенно И.Н. Скобелеву запомнился рассказанный А.Д. Балашовым эпизод о похоронной процессии британской королевы, «обращенную гласом народа, вопреки распоряжению короля и правительства с окольного пути на прямую дорогу мимо самого дворца лежащую». Генерал, основываясь на этом, делал вывод, что «...Александр Дмитриевич являл себя врагом деспотическому ... правлению, следовательно, лицу монарха»⁵⁴.

Отношение к деятельности генерал-губернатора в консервативных кругах столицы отражает донос, поданный в 1826 г. на ряд государственных деятелей, страх к которым, по словам доносчика, должны испытывать все «кои дорожат счастьем царя и непоколебимости трона его». В числе Н.С. Мордвинова, А.А. Закревского, П.Д. Киселева, князя А.Н. Голицина, А.П. Ермолова был назван и А.Д. Балашов. По мнению автора доноса, тот «подозревается, хотя в медлительном, но без ошибки верном подкопе к государственному Блага, чрез учреждение новых образований, отягощающих и озлобляющих народ, раздробляющих единую власть и под личиною советов, образующих конституционное правило, а не менее усматривается зло сие через частые и восторгом наполненные похвалы к достойным, по его мнению, уважения английским законам»⁵⁵.

⁵⁴ ОР РНБ, зesp. Н.К. Шильдера, karton 17, sygn. 6, *Скобелев И.Н. Письмо И.И. Дибичу, 14 мая 1826 г.*, к. 24-25. Речь шла о погребении супруги английского короля Георга IV Каролины (Шарлоты), урожденной принцессой Браншвейгской, в августе 1822 г. Находящиеся в оппозиции виги воспользовались им для организации политической демонстрации против кабинета тори и поддерживающего его короля. О сложных семейных отношениях в британской королевской семье, переплетающихся с политической борьбой вигов и тори, см.: В.А. Матвеев, *Страсть власти и власть страсти. Историческое повествование о нравах королевского двора Англии. XVI-XX вв.*, Moskwa 1997, s. 251-296. Скобелев И.Н. (1778-1849), дед известного русского полководца пореформенной эпохи М.Д. Скобелева. Судя по хорошему знанию деталей к ближайшему окружению генерал-губернатора относился и неизвестный автор записки «На учреждение должности начальника губернской полиции», критиковавший преобразование А.Д. Балашова по полицейской части (*Записка на учреждение должности начальника губернской полиции, [w] Материалы, собранные для высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений...*, s. 224).

⁵⁵ Гр. Н.С. Мордвинов, А.А. Закревский, П.Д. Киселев, кн. А.Г. Голицын, А.Д. Балашов и А.И. Ермолов в доносе на них в 1826 г., „Русская старина“ 1881, № 1, s. 190.

Личность А.Д. Балашова, как и большинства администраторов, управляющих российскими регионами, оказалась быстро забыта. Его деятельность как генерал-губернатора Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губернией свидетельствовала о том, что время радикальных реформ в России 1820-х гг. еще не пришло. Попытки изменить что-либо встречали непонимание и сопротивление как в подчиненной ему провинции, так и в столице. Примером этого может быть и неудачная губернаторская деятельность в эти годы в рассматриваемом регионе Н.И. Кривцова. Просвещенный человек, офицер-участник Отечественной войны 1812 г., затем дипломат, друг А.С. Пушкина и брат декабриста С.И. Кривцова, в возрасте 33 лет был назначен в 1823 г. тульским губернатором. Через десять месяцев его пришлось перевести на такую должность в Воронеж. Пробыв там чуть больше двух лет, в сентябре 1826 г. он становится губернатором Нижнего Новгорода. Все эти перемещения самого молодого в тогдашней России губернатора были вызваны его постоянными конфликтами с подчиненными чиновниками. Для них просвещенный начальник, стремившийся преобразовать вверенный ему регион, казался тираном и деспотом, нарушающим сложившиеся нормы жизни. В итоге весной 1827 г. камергер, пользовавшийся личным расположением императора Александра I, должен был признать невозможность дальнейшего пребывания на губернаторском посту и окончательно уходит в отставку⁵⁶.

Это, как и другие реалии общественной жизни первой четверти XIX в. позволяет сделать вывод, что осторожность Александра I в реформаторских действиях, была скорее сильной, чем слабой стороной императора как государственного деятеля. Он пытался соотнести свои политические идеалы с окружающей реальностью, понимая, что даже его огромная власть самодержавного правителя не может быстро изменить облик подвластной страны. Потребовалось еще три десятилетия развития всех сторон российской жизни, чтобы сложились предпосылки для проведения реформ, изменивших облик страны в 1860-е гг. Деятельность А.Д. Балашова в 1819-1827 гг. в качестве генерал-губернатора пяти центральных губерний не сыграла ту роль, о которой мечтал назначивший его император. В то же время это был один из первых шагов по претворению реформаторских планов, рожденных в столице, в повседневной жизни огромной страны. Сопротивление, порожденное нежеланием провинции следовать за этими шагами, само по себе становилось важным фактором возникновения предпосылок для будущих преобразований, пробуждая общественное движение на местах, без которого реформы середины XIX в. были бы невозможны.

Деятельность А.Д. Балашова принесла управляемым губерниям и вполне конкретные результаты. Особенно они были заметны в деле развития народного образования, городского благоустройства, дорожного строительства. Уже упоминавшийся мемуарист Д.И. Ростиславлев писал в пореформенную эпоху: «Ныне,

⁵⁶ О Н.И. Кривцове (1791-1843) и его неудачной губернаторской деятельности см.: [Я.С. Сабуров], *Николай Иванович Кривцов, „Русская старина“ 1888, № 12*; М.И. Гершензон, *Декабрист Кривцов и его братья*, Москва 1914; *Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710-1917*, Воронеж 2000.

когда деревья, посаженные по большой дороге, разрослись в пятидесятилетние деревья и во многих местах составляют почти настоящие тенистые аллеи, ныне многие восхищаются ими и прозорливостью Балашова»⁵⁷.

Несомненное влияние оказала его генерал-губернаторская деятельность на программу государственного попечительства над государственными крестьянами, воплотившуюся в реформе П.Д. Киселева. Сам подход к подготовке преобразований в форме укрупнения исторически сложившихся регионов страны, который попытался использовать после Отечественной войны 1812 г. император Александр I, хотя и не был реализован, но постоянно вновь возникал в правительственных кругах. Они дважды обращались к идее создания генерал-губернаторств по всей стране в эпоху Александра II. Появлялись такие проекты с прямым обращением к опыту «Государственной уставной грамоте Российской империи» 1818-1820 гг. и в период третьей ионьской монархии⁵⁸.

⁵⁷ Д.И. Ростиславов, *Записки...*, s. 65.

⁵⁸ О непосредственном влиянии «Государственной грамоты Российской империи» 1818-1820 гг. на разрабатываемые П.А. Столыпиным планы реформирования административно-территориального устройства России см.: С.Е. Крыжановский, *Заметки русского консерватора*, „Вопросы истории” 1997, № 4, s. 123. Генерал А.А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора в 1900-1916 гг., вспоминал, что он в период первой мировой войны «[...] носился с мыслью, что излишняя централизация России ныне стала вредна, вызывая центробежное движение на окраинах. Если государь признает это положение, то для введения новой системы управления посредством более или менее автономных областей, управляемых наместниками и областными думами было бы уместно ввести эту реформу при победоносном окончании войны... Этот переворот, демократизирующий местное управление, давал бы государю самодержавную власть в верховной администрации» (А.А. Мосолов, *При дворе последнего Российского императора*, Moskwa 1993, s. 233).

Streszczenie

Piotr Władimirowicz Akulszyn

General-gubernator A. D. Bałaszow – reformatorskie plany Aleksandra I a centralne gubernie Rosji

W 1819 roku z ukazu Aleksandra I powołano general-gubernatorstwo z centrum w Riazaniu, na czele z byłym ministrem policji general-adiutantem Aleksandrem Dmitrijewiczem Bałaszowem (1770-1837). Nowa jednostka administracyjna była kuriozum na tym terenie była bowiem położona na brzegach Oki i Donu a składała się z pięciu centralno-czarnoziemnych guberni. Jej powstanie było ściśle związane z programem „konstytucjonalizmu państwowego”. Mianowicie przed 1820 r. w Warszawie w kancelarii carskiego komisarza przy Radzie Administracyjnej Królestwa Polskiego N. N. Nowosilcowa, byłego członka Komitetu Niejawnego, został przygotowany projekt „Państwowej ustawy zasadniczej Imperium Rosyjskiego”. Jego cechą charakterystyczną był podział całego państwa na namiestnictwa, obejmujące po kilka guberni, z organami przedstawicielskimi – sejmami. W wypadku realizacji tego projektu ustrój konstytucyjny Finlandii (1809 r.) i Królestwa Polskiego (1814 r.) stanowiłyby nie anomalię w organizmie samowładnego państwa, ale krok do urzeczywistnienia reformatorskich planów Aleksandra I. Takim pierwszym znaczącym krokiem na drodze przygotowań przyszłych przekształceń guberni wielkorosyjskich było właśnie utworzenie opisywanego okręgu general-gubernatorskiego.

Summary

Piotr Vladimirovich Akulshin

A Governor-General A. D. Bałaszow – reformatory plans of Alexander I and the central Governorates in Russia

In 1819, by the Alexander I's ukase, the General Governorate with a headquarters in Ryazan was created, with a former Minister of Police, Adjutant General Alexander Dmitriyevich Balashov (1770-1837) at its head. The new administration unit was, in fact, an oddity in that area since it was situated on the banks of Oka and Don rivers and it constituted the five Governorates of black earth (*chernozem*). Its creation was tightly connected with the "national constitutionalism," program since a project of "Fundamental law of the Russian Empire" was drawn up in Warsaw, in the office of N. N. Novosiltsev, the tsar's commissar at the Council of State of the Kingdom of Poland, former member of Негласный Комитет (Secret Committee) before 1821. It included the division of the whole state into viceroyalties, covering a few Governorates each with a seym as a representative organs. If the project were realized, the constitutional systems of Finland (1809) and the Kingdom of Poland (1814) would not have constituted an anomaly in an autocratic state, but a step towards the implementation of Alexander I's reformatory plans. In fact, the creation of the previously described General Governorate district constituted the first significant step in the preparations of the future transformations of Russian guberniyas.